

**Психолого-педагогические методы В.Ф. Одоевского на примере очерков писателя и сказки
«Городок в табакерке»**

Сергей Михайлович Шаврыгин

профессор кафедры филологии

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

sshavrygin@gmail.com

 0000-0002-0182-1658

Наталья Александровна Чистякова

старший преподаватель кафедры филологии

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

ben-london@yandex.ru

 0000-0002-0803-5967

Поступила в редакцию 14.06.2023

Принята 15.06.2023

Опубликована 30.06.2023

 10.25726/g8621-0461-4847-h

Аннотация

В статье в рамках историко-литературного и типологического методов показано, что в первой половине XIX века русская литературная сказка развивалась в границах двух метатекстовых форм: стихотворной сказки и прозаической сказки, тяготевшей к научно-педагогическому, дидактическому модусу. Прозаическая сказка учитывала, с одной стороны, интерес романтиков к собиранию и обработке фольклорной сказки, а с другой, к традициям романтической повести 1820–1830-х годов. В статье раскрываются причины обращения русского писателя-романтика В. Ф. Одоевского к жанру литературной сказки, появления в его творчестве для детей фантастических рассказов, быличек, сказок. Материалами для статьи являются педагогические очерки Одоевского и одна из самых известных и читаемых сказок — «Городок в табакерке» (1834). В статье сопоставляются педагогические и художественные тексты писателя, демонстрирующие степень взаимосвязанности и взаимовлияния педагогических идей, методов и художественных образов, глубину взаимопроникновения публицистического, дидактического и художественного дискурсов, что составляет одну из важнейших особенностей творческой манеры писателя-энциклопедиста. Анализ сюжетной структуры сказки «Городок в табакерке», взаимоотношения персонажей, роли автора и рассказчика приводят к выводу о том, что целью писателя было не столько развлечение маленького читателя, сколько воспитание, серьезный разговор с ним об окружающем мире, его законах, логической связи событий, а также передача знаний о «механике жизни», о воспитании личности посредством осознания подрастающим человеком сделанных открытий.

Ключевые слова

жанр, сюжет, литературная сказка, цикл, фантастическое, философия жизни, автор, история литературы, педагогика, дидактика, методы обучения, воспитание.

Введение

В первой половине XIX века в русской литературе сказка развивалась в границах двух метатекстовых форм: стихотворная сказка, имевшая и романтический и реалистический извод и тяготевшая к художественному лирическому модусу; и прозаическая сказка, развивавшаяся в основном

в русле романтизма и тяготеющая к научно-педагогическому, дидактическому модусу. Прозаическая сказка основывалась, с одной стороны, на интересе романтиков к собиранию и обработке фольклорной сказки, а с другой, на традициях романтической повести 1820–1830-х годов. Вершиной жанра можно считать творчество А. А. Бестужева (Марлинского), но одновременно большой вклад в развитие романтической литературы внесли А. А. Перовский (А. Погорельский) и В. Ф. Одоевский.

Самые крупные и известные произведения Перовского — сборник повестей «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) и роман «Монастырка» (1830). Автор основывается на традициях сентиментальной прозы Н. М. Карамзина и романтической фантастической прозы Э. Т. Гофмана, и сам становится предшественником романтических повестей Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», 1831–1832). Перовский открывает для русской литературы принцип жанровой циклизации, связывающий авторский замысел в единое целое; разделение автора и рассказчика (двойника), наделенных несходным и иногда противоречивым сознанием и мироосмыслением; внедрение эстетики «рационалистической фантастики», мистика и волшебство которой могут быть объяснены разумными причинами и подтверждены естественными реальными фактами; готические принципы мистифицированной авантюриности, усиленной любовными мотивами.

Одоевский — выдающийся русский писатель, философ, музыкальный критик, автор нескольких романтических и сказочных циклов, важнейшим из которых остается цикл повестей «Русские ночи» (1844). Главными проблемами его произведений становятся вопросы жизни и смерти, человеческой судьбы, ее зависимости от психологического склада личности и от социального бытия человека. Романтическая эстетика писателя опирается не на мистические возможности мирозерцания и направлена не на воссоздание эмоционального мира личности, а на изучение философских законов бытия и жизни отдельного человека, исследуя и художественно воссоздавая возможности человеческого разума и сознательно пытливого отношения к окружающему.

Оба писателя много и плодотворно работали в области педагогики, и потому их произведения в жанре литературной сказки имеют яркую педагогическую направленность и формулируют для читателя целый комплекс познавательных, нравственных и философских проблем. При этом органическая связь этих проблем с психологизмом повествования позволила обойтись без назойливого дидактизма, а естественно и логично подводила читателя к определенным выводам.

Материалы и методы исследования

Материалами для статьи являются педагогические очерки Одоевского и одна из самых известных и читаемых сказок — «Городок в табакерке» (1834). В статье на историко-литературной и типологической основе сопоставляются педагогические и художественные тексты писателя, демонстрирующие степень взаимосвязанности и взаимовлияния педагогических идей и художественных образов, глубину взаимопроникновения публицистического, дидактического и художественного дискурсов, что составляет одну из важнейших особенностей творческой манеры писателя-энциклопедиста.

Результаты и обсуждение

Одоевский предпринял немало усилий для совершенствования дошкольного и школьного образования, написал целый ряд статей и пособий для администрации и преподавателей гимназий. Особое значение для понимания эстетических и писательских принципов Одоевского-сказочника имеют его педагогические статьи (Одоевский, 1955).

Автор резко выступает против «нелепого, полудикого догматизма», убивающего главное, на что должно быть направлено писательское творчество — развитие мыслящей личности. Основная цель писателя — «привести в движение орудие мышления» в ребенке, научить «видеть под игрушкой мысль». Основным средством для этого Одоевский считает не передачу знания, а стремление воспитать в человеке способность самому «доходить до него», самому добывать сведения об окружающем мире.

Писатель разделил процесс познания и самопознания на несколько актов: «первый акт — отделить себя от окружающих предметов», второй — «приучить ребёнка к сопряжению понятий», третий

— «подвести к общему выводу», четвертый — научить «по общим свойствам находить конкретный предмет» и только затем можно дать ему в руки учебник. Единственный метод обучения — «приучить умственные силы ребенка к сопряжению понятий, посредством которого он мог бы сам переходить от известного к неизвестному, от частного к общему, от общего к частному». Он должен привить маленькому человеку привычку к следующим «умственным действиям: «Сосредоточить внимание на каком-либо предмете и для облегчения памяти обозначить его хоть условным словом, хоть местоимением: это, он и проч. Заметить качества или признаки предмета и отличие его от другого. Обозначить место, где находится предмет. Показать главные видимые части в предмете. Обозначить время, в котором предмет был, есть или будет. Означить причину или источник предмета и его цель, или назначение. Назвать предмет настоящим его именем. В новых познаниях, приобретаемых учеником, в какой бы отрасли ни было, будут постепенно представляться новые источники для подобных вопросов» (Одоевский, 1955).

«Для сей же цели должны употребляться разные повести, сказки, рассказы, книги всякого рода...», — считал писатель. Задача чтения — развить умственный потенциал личности. Однако подходить к этому процессу необходимо внимательно, не насаждая общее правильное направление развития, а сообразуясь с индивидуальными особенностями, «свойствами» того ребенка, который находится перед воспитателем, учитывая те условия, в которых ребенок вырос. И хотя в целом Одоевский не поддерживал «фантастическое» в литературе, считая, что оно отвлекает от окружающего мира, для детей «непроснувшихся», то есть мало развитых умственно, можно начать с поэтического изображения «грез», привычных для них, ибо их интерес к прочитанному уже будет означать начало умственного пробуждения.

Сам писатель создавал литературные сказки для детей в несколько этапов, и вначале он действительно использовал сказочную фантастику. В 1833 году появился первый цикл подобных произведений, «Пёстрые сказки». В предисловии к сказкам Одоевский акцентировал мысль о том, что этот жанр пока еще необычен и странен для читателя, привыкшего читать исторические повести и романы, он кажется несерьезным и неприличным для искушенного человека, но это только в том случае, предупреждал автор предисловия, если не уметь внимательно и вдумчиво читать предлагаемые истории. Только тогда откроется спрятанная в них глубина смысла и значение запрятанной туда картины мира. Не случайно сочинитель этих сказок предстает в образе ученого, знающего всевозможные языки, все науки, все предметы, а главное — любящего размышлять «над началом вещей», онтологией мира, гносеологией познания, условиями бытия человека.

В их числе была и сказка для детей «Игоша» о фантастическом маленьком человечке без рук и без ног, который, привязавшись к людям безобразничает, портит имущество, требует себе за это награду. Но поскольку Игоша — это умерший в младенчестве убогий сын крестьянина, видеть его может только ребенок. Поэтому все проказы Игоши взрослые приписывают ребенку, стараясь внушениями, толкованиями, наказаниями воспитать в нем послушание и благопристойность. Как видим, интегральное смысловое поле «сказки» включает и развлекательные, и воспитательные, и дидактические интенции. «Игоша» представляет собой рассказ-быличку, помогающую ребенку, благодаря совмещению мифологического и современного приоткрыть завесу таинственности подсознательного в психической жизни человека (Турьян, 1977). Как и «Игоша» все произведения этого цикла не являются собственно сказками, а представляют собой рассказы с элементами сказочной фантастики и сатирического гротеска (Одоевский, 1996).

В 1841 году выходит в свет собрание сказок, написанных в предыдущий период, — «Сказки и повести для детей дедушки Иринея», а уже после смерти писателя в 1879 году в III томе «Библиотеки для юношества» Д. Ф. Самарина были собраны все сказки из цикла дедушки Иринея. В составе этого сборника были и фантастические рассказы, подобные историям Модеста Гомозейки, и литературные обработки народных сказок, такие как «Мороз Иванович», «Разбитый кувшин», но все они были пронизаны педагогическими воспитательными идеями, стремлением раскрыть не вымышленные фантастические конфликты, а показать ребенку реальную повседневную жизнь, научить его совершать в этой жизни хорошие поступки и беречься от совершения дурных. Все пронизано любовью к ребенку,

уважением к его личности, попыткой понять и помочь ему собственным примером. В этом сборнике во второй раз появляется сказка «Городок в табакерке» (далее цит. по: Одоевский, 1993).

Сказка «Городок в табакерке» была написана в 1834 году и в этом же году вышла в свет отдельным изданием. Это было первое произведение, в полной мере отвечающее структурным требованиям жанра сказки. Фабула представляет собой три последовательных испытания героя, сопровождающихся его перемещением в другой мир, «иное царство». Миша, герой сказки, попадает в «золотой городок», мир мальчиков-колокольчиков, дядек-молоточков, господина Валика-надзирателя и царевны-пружинки. Путешествуя по городу вместе с «мальчиком с золотой головкой», Миша преодолевает трудности и выдерживает три испытания. Первое — пройти под сводами, каждый последующий из которых меньше предыдущего. Второе — узнать, что все колокольчики разной величины и поэтому издают звуки разной высоты. Третье — понять, почему дядьки-молоточки постоянно бьют мальчиков-колокольчиков, познакомиться с господином Валиком и царевной-пружинкой. После всех испытаний Миша возвращается домой с новыми знаниями и усложненным пониманием окружающего мира.

Литературный сюжет, созданный на этой основе Одоевским, гораздо полнее, богаче и глубже по смыслу, чем мифологическая архетипическая фабула. Писатель-гофманианец реализует свой замысел в традициях романтической немецкой прозы рубежа XVIII–XIX веков. Особенность художественного мира Э.-Т.Гофмана — совмещение мистических образов с самыми обыденными, бытовыми жизненными ситуациями — характеризует и мир этой сказки. Папенька принес домой прекрасную музыкальную табакерку, показал ее сыну Мише и попросил его догадаться, «отчего музыка в табакерке играет». Сюжет посвящен изображению восприятия ребенком новой, невиданной доселе игрушки. В детском сознании и рождаются те фантастические образы, с помощью которых и открывается тайна табакерки. Фантастическое предстает в этой сказке как результат работы сферы подсознательного, включающей в процесс те архетипические схемы, которые даются человеку от рождения. Однако русский писатель, воплощая принципы «реалистической фантастики», проявления мистики всегда стремится объяснить рациональными или психологическими причинами. Поэтому игра воображения героя предстает как результат его сна-видения. Увиденная Мишей во сне история становится прозрением и предвестием его будущей взрослой жизни и взрослого знания о мире.

Папенька, похвалив Мишу за понятливость, уточняет, что для взрослого человека необходима точность знания: «... но ты еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике». Благодаря этой реплике аллегоризм сюжета сказки становится очевиден. Речь идет не только о знании «механики» игрушки и любого другого механизма, созданного человеком. Это лишь первый уровень осмысления сюжета произведения, которое нельзя ограничить только сферой научно-познавательной задачи и популяризацией науки.

Одоевский ведет речь о «механике» жизни как таковой. Философия бытия становится вторым и более важным уровнем осмысления событий, описанных в сказке. Проходя через своды, открывшиеся Мише за дверцей сказочного городка, герой открывает для себя закон перспективы: «... вдали все кажется маленьким, а подойдешь — большое». Миша сразу вспоминает, как он рисовал маменьку и папеньку, и у него не получалось изобразить их на разном расстоянии, все выходило будто «папенька возле маменьки сидит, а кресло стоит у фортепиано», а не в дальнем углу комнаты. Мальчику-колокольчику это показалось смешно, потому что Миша сделал для себя открытие, относящееся не только к рисованию, но и к законам жизни вообще. О действительном значении явления можно судить, только находясь вблизи него, а не на расстоянии.

Увидев в стальных домиках мальчиков-колокольчиков разной величины, Миша вначале применил открытый им закон перспективы и подумал, что все колокольчики одинаковые. Однако вскоре оказалось, что разная величина колокольчиков не обман зрения, а необходимое условие появления музыки, чем больше колокольчик, тем «голос потолще». Миша понял закон качественного изменения окружающего мира: перемена внешнего вида влечет за собой и перемену качества. Внешность часто обманчива, мешает воспринимать глубину явления, и человек должен уметь видеть сущность и внутренние достоинства окружающих людей, предметов, живых существ.

Наконец, разгадывая загадку вечного движения колокольчиков, молоточков, валика и пружинки, Миша приходит к открытию причинно-следственных связей, закономерностей, первопричины бытия, обуславливающих целостность и стройность его системы. Писатель ведет читателя через осознание взаимосвязей всего сущего к уяснению целесообразности бытия и целостности окружающего мира (Тиманова, Шарафадина, 2010).

Заключение

Аллегория механической игрушки, открывающая основные общие законы окружающей жизни, помогает писателю на практическом опыте как героя, так и самого читателя разбудить мысль последнего и научить его анализу действительного мира, ввести «в мир житейской действительности и практической мудрости жизни».

Не случайно поэтому В. Г. Белинский называл повести Одоевского «поэтическими думами о жизни и фантастическими видениями» и писал: «Дети не выйдут из городка в табакерке с его фантастическими и в то же время очень простыми и естественными чудесами» (Белинский, 1982).

Педагогические методы Одоевского просты, но действенны: объяснение мистического и подсознательного рациональными и психологическими причинами; выведение открытий, интуитивно сделанных ребёнком, на сознательный, действенный уровень, способствующий последующей расширенной адаптации полученных механик и выведению общих закономерностей жизни.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Городок в табакерке // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1982. С. 555.
2. Одоевский В.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред., с вступ. ст. и примеч. чл.-корр. АПН РСФСР проф. В.Я. Струминского. М., 1955. С. 81.
3. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки / Изд. подгот. М. А. Турьян. СПб., 1996. С. 37–41. (Литературные памятники).
4. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки; Сказки дедушки Ириней / [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Н. Грекова]. М., 1993. 271 с.
5. Тиманова О.И., Шарафадина К.И. Отечественная «сказочная» книжность XIX века в инфосфере познавательного чтения: семантика и прагматика // Мир лингвистики и коммуникации, 2010. № 2 (19). Электронный научный журнал. URL: http://tverlingua.ru/archive/019/content_19.htm (Дата обращения: 04.07.2023).
6. Турьян М.А. «Игоша» В.Ф. Одоевского (К проблеме фольклоризма) // Русская литература, 1977. № 1. С. 132–136.

Psychological and pedagogical methods of V.F. Odoevsky on the example of the writer's essays and the fairy tale "The Town in the snuffbox"

Sergey M. Shavrygin

Professor of the Department of Philology,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
Moscow, Russia
sshavrygin@gmail.com
 0000-0002-0182-1658

Natalya A. Chistyakova

Senior lecturer of the Department of Philology,
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»,
Moscow, Russia
ben-london@yandex.ru

 0000-0002-0803-5967

Received 14.06.2023

Accepted 15.06.2023

Published 30.06.2023

 10.25726/g8621-0461-4847-h

Abstract

The article shows within the framework of historical, literary and typological methods that in the first half of the XIX century the Russian literary fairy tale developed within the boundaries of two metatextual forms: a poetic fairy tale and a prose fairy tale, which tended to a scientific, pedagogical, didactic mode. The prose tale took into account, on the one hand, the interest of Romantics in collecting and processing folklore fairy tales, and on the other, to the traditions of the romantic tale of the 1820s and 1830s. The article reveals the reasons for the appeal of the Russian romantic writer V. F. Odoevsky's approach to the genre of literary fairy tales, the appearance in his work for children of fantastic stories, bylichek, fairy tales. The materials for the article are Odoevsky's pedagogical essays and one of the most famous and widely read fairy tales — "The Town in the Snuffbox" (1834). The article compares the pedagogical and artistic texts of the writer, demonstrating the degree of interconnectedness and mutual influence of pedagogical ideas, methods and artistic images, the depth of interpenetration of journalistic, didactic and artistic discourses, which is one of the most important features of the creative manner of the writer-encyclopedist. The analysis of the plot structure of the fairy tale "The Town in the Snuffbox", the relationship of the characters, the roles of the author and the narrator lead to the conclusion that the writer's goal was not so much to entertain the little reader as to educate, have a serious conversation with him about the world around him, its laws, the logical connection of events, as well as the transfer of knowledge about the "mechanics of life", about the education of the individual through the awareness of the discoveries made by the younger person.

Keywords

genre, plot, literary fairy tale, cycle, fantastic, philosophy of life, author, literary history, pedagogy, didactics, teaching methods, education.

References

1. Belinskij V.G. Gorodok v tabakerke // Belinskij V. G. Sobr. soch.: V 9 t. T. 8. M., 1982. S. 555.
2. Odoevskij V.F. Izbrannye pedagogicheskie sochinenija / Pod red., s vstup. st. i primech. chl.-korr. APN RSFSR prof. V.Ja. Struminskogo. M., 1955. S. 81.
3. Odoevskij V.F. Pestrnye skazki / Izd. podgot. M. A. Tur'jan. SPb., 1996. S. 37–41. (Literaturnye pamjatniki).
4. Odoevskij V.F. Pestrnye skazki; Skazki dedushki Irineja / [Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. N. Grekova]. M., 1993. 271 s.
5. Timanova O.I., Sharafadina K.I. Otechestvennaja «skazochnaja» knizhnost' XIX veka v infosfere poznavatel'nogo chtenija: semantika i pragmatika // Mir lingvistiki i kommunikacii, 2010. № 2 (19). Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. URL: http://tverlingua.ru/archive/019/content_19.htm (Data obrashhenija: 04.07.2023).
6. Tur'jan M.A. «Igosha» V.F. Odoevskogo (K probleme fol'klorizma) // Russkaja literatura, 1977. № 1. S. 132–136.